

Европейский Суд по правам человека

Первая секция

ДЕЛО «МЕНЕШЕВА ПРОТИВ РОССИИ»²

CASE OF MENESHEVA v. RUSSIA

(Жалоба № 59261/00)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Страсбург

09 марта 2006 г.

Данное решение станет окончательным в случаях, предусмотренных п. 2 ст. 44 Конвенции. Оно может быть подвергнуто редакционной правке.

В деле «Менешева против России»

Европейский Суд по правам человека (Первая секция), заседая Палатой в следующем составе:

Г-н К.Л. РОЗАКИС, *Председателя,*

Г-жа С. БОТУЧАРОВА,

Г-н А. КОВЛЕР

Г-жа Е. ШТАЙНЕР,

Г-н К. ГАЖИЕВ,

Г-н Д. ШПИЛЬМАН,

Г-н С.Е. ДЖЕБЕНС, *судьи,*

и Г-н С. НИЛЬСЕН, *Секретарь Секции Суда,*

заседая за закрытыми дверями 14 февраля 2006 года, вынес в тот же день следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 59261/00) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьёй 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданином Российской Федерации г-жой Ольгой Евгеньевной Менешевой 20 июня 2000 года.
2. Правительство Российской Федерации (далее – Правительство) было представлено г-ном П.А. Лаптевым, Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.
3. Заявитель жаловалась на жестокое обращение в органах милиции, отсутствие эффективного рассмотрения её жалоб в этом отношении, на незаконное задержание и содержание ее под стражей, а также на отсутствие эффективных внутригосударственных средств правовой защиты в отношении вышеуказанных жалоб.

¹ Перевод с англ. яз. выполнила сотрудник Поволжского Центра информации и документации Совета Европы в Российской Федерации Мамаева Н.А.

² Оригинал решения см. на официальном сайте Европейского Суда по правам человека: <http://www.echr.coe.int/>

4. Жалоба была передана в производство Первой секции Суда (п. 1 Правила 52 Регламента Суда). В составе указанной Секции в соответствии с п. 1 Правила 26 Регламента Суда была образована Палата для рассмотрения настоящего дела (статья 27 Конвенции).
5. Своим решением от 15 января 2004 года Суд объявил жалобу частично приемлемой.
6. Заявитель и Правительство представили объяснения по существу дела (§ 1 Правила 59 Регламента Суда). После консультаций со сторонами Палата решила, что проведения слушаний по существу дела не требуется (п. 3 Правила 59 *in fine*), стороны представили письменные ответы на замечания друг друга.
7. 1 ноября 2004 г. Суд изменил состав Секции (п. 1 Правила 25 Регламента Суда). Данное дело было передано вновь созданной Первой секции (п. 1 Правила 52 Регламента Суда).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

8. Заявитель родилась в 1979 году и проживает в г. Батайск Ростовской области.
9. 11 февраля 1999 г. сотрудники милиции приступили к расследованию обстоятельств убийства, в совершении которого они подозревали Л. Предполагалось, что Л. был сожителем заявителя.
10. В тот же день сотрудники милиции приняли решение о розыске Л. на квартире заявителя.
11. 12 февраля 1999 г. около полуночи сотрудники милиции появились на квартире заявителя с целью проведения обыска, но, так как они не предъявили санкцию на проведении обыска, она непустила их.
12. На следующий день, 13 февраля 1999 г. около 4.30 утра три сотрудника милиции в гражданской одежде ждали заявительницу у дверей ее квартиры. Один из них предъявил удостоверение майора милиции С. и потребовал, чтобы онапустила их в квартиру. Так как у сотрудников милиции снова не оказалось санкции, заявитель вновь отказалась ихпустить. Милиционеры настаивали, и заявитель вступила с ними в перебранку, в ходе которой обе стороны обменивались угрозами и оскорблениями. В итоге майор приказал задержать заявителя. Его подчиненные П. и Б. схватили заявительницу, опустив её вниз головой, и, продолжая угрожать ей, бросили в автомобиль, на котором не было каких-либо специальных знаков принадлежности к органам милиции. Во время борьбы заявительницу ударили о дверь машины, она повредила ногу и голову; она также ударилась головой, когда ее бросили в машину. В пути майор С. угрожал заявителю, утверждая, что избьет членов ее семьи и ограбит её квартиру во время обыска.
13. Заявителя отвезли в отдел милиции Железнодорожного района г. Ростов-на-Дону. В отделе милиции заявителю не сообщили о причинах ее задержания. В соответствии с последующими объяснениями Правительства, необходимо было составить протокол об оказании злостного неповиновения сотрудникам милиции. Однако в протоколе, составленном органами милиции, было указано, что она была доставлена для производства допроса.
14. В отделении милиции заявителя вызвали к заместителю начальника отдела уголовного розыска, который допрашивал ее о возможном местонахождении «ее супруга». Заявитель сказала, что никогда не была замужем, после чего он стал душить ее руками, а несколько других сотрудников милиции стали ее избивать. На протяжении приблизительно двух часов они били ее по ногам, бросали по комнате, избивали дубинкой и били головой о стену. Во время избивания они обвиняли ее во лжи, оскорбляли ее, угрожали изнасилованием, а также причинением насилия в отношении членов ее семьи.
15. Заявитель требовала, чтобы ее семью поставили в известность о ее задержании; она также требовала оказания медицинской помощи и разрешения связаться с адвокатом, но ей было отказано во всех ее требованиях.
16. В конце допроса заявителя заместитель прокурора Железнодорожного района Д. посетил отделение милиции и вошел в комнату, где была избита заявитель. Заявитель

воспользовалась возможностью пожаловаться на задержание и избиение. Он выслушал ее и предложил написать ему жалобу на незаконное задержание, но отговорил от написания жалобы на жестокое обращение. Заявитель изъявила желание написать жалобу на месте и вручить ее Д.

17. После этого, около 7 часов утра, заявительницу доставили домой, так как сотрудники милиции хотели произвести обыск в ее квартире. Соседке заявителя З., которую сотрудники милиции привели в качестве свидетеля, сказали, что они ищут Л., и она подтвердила, что Л. не проживал в данной квартире. Милиционеры настаивали на производстве обыска квартиры, однако выяснилось, что у них все еще не было постановления, и заявитель снова отказалась впустить их. После непродолжительной борьбы заявительницу схватили, опустив вниз головой, и потащили в машину, ударяя головой о стены и лестницу. Ее вновь привезли в Железнодорожный отдел милиции, где снова избили, угрожая и обвиняя в том, что она скрывает Л. Затем ее поместили в камеру предварительного заключения.

18. Заявителя содержали в камере до 2.30 утра 14 февраля 1999 года. Несмотря на то, что этот факт никогда не оспаривался, никаких записей в отношении периода задержания заявителя найти не удалось.

19. 14 февраля 1999 года около 2 часов утра был произведен личный обыск заявителя, в ходе которого у нее были изъяты ключи от ее квартиры. Позднее в этот же день прокурор Железнодорожного района выдал санкцию на обыск квартиры заявителя, и обыск был произведен.

20. В тот же день заявителя доставили к должностному лицу, который, не представившись, объявил ей: «пять суток». Впоследствии заявитель узнала, что это был судья П. Железнодорожного районного суда г. Ростова, и что фраза «пять суток» означала, что ей назначили административный арест сроком на пять суток за совершение административного правонарушения, которое состояло в оказании злостного неповиновения сотрудникам милиции. В тот же день заявительницу поместили в специальный приемник для содержания лиц, подвергнутых административному аресту.

21. 18 февраля 1999 года, когда пришло время освободить заявителя после пятидневного содержания под стражей, майор милиции С., который задерживал ее, выпустил заявителя из спецприёмника, отвез в Железнодорожный отдел милиции и приказал ей вымыть пол в коридоре отделения милиции. После того, как заявитель сделала это, он отпустил ее.

22. 19 февраля 1999 года заявитель прошла судебное обследование у медицинского эксперта, который установил, что у нее имеются множественные кровоподтеки на лице и на ногах, ссадины на лице, на челюсти, на шее и на ногах, а также травма мягких тканей головы.

1. Разбирательство по факту жестокого обращения и незаконного ареста

23. 11 марта 1999 года Уполномоченный по правам человека аппарата губернатора Ростовской области от имени заявителя подал жалобу начальнику управления внутренних дел Ростовской области, а также еще одну жалобу прокурору Ростовской области. Он потребовал расследования предполагаемого жестокого обращения с заявителем со стороны сотрудников милиции, а также предполагаемого незаконного заключения под стражу. Он приложил подробное изложение заявителем фактов, а также медицинское заключение от 19 февраля 1999 года.

24. 15 марта 1999 года заявитель подала иск о возмещении вреда в суд г. Батайска Ростовской области, заявив о жестоком обращении со стороны сотрудников милиции, а также о ее задержании и обыске ее квартиры.

25. 30 марта 1999 года заместитель начальника управления внутренних дел Ростовской области проинформировал заявителя о том, что на основании её жалобы было проведено служебное расследование, и что ее заявления были признаны необоснованными. Результаты служебного расследования были направлены в прокуратуру. Заявителю сообщили, тем не менее, что некоторые должностные лица, фамилии которых не были

указаны, были наказаны за совершение дисциплинарных проступков. Уполномоченный по правам человека получил аналогичный ответ.

26. 12 апреля 1999 года заявитель получила письмо от заместителя прокурора Железнодорожного района, Д., которого она встретила в отделе милиции (см. пар. 16). Он проинформировал заявительницу, что ее жалоба на действия сотрудников милиции была направлена ему из Ростовской городской прокуратуры, и он решил, что нет необходимости в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников милиции.

27. 7 мая 1999 года прокурор Железнодорожного района, Х., проинформировал Батайский городской суд (очевидно в ответ на официальный запрос), что документы в отношении задержания и содержания заявителя под стражей не найдены.

28. 9 июня 1999 года заместитель прокурора Ростовской городской прокуратуры подтвердил данный факт.

29. 22 декабря 1999 года Батайский городской суд Ростовской области ознакомился с жалобой заявителя и заключил, что обыск квартиры заявителя, первоначальное задержание и административный арест в течение пяти суток были правомерными. Суд пришёл к выводу о том, что действия сотрудников милиции были законными, производились с санкции прокурора, и что они были необходимы для расследования дела об убийстве. Что касается заявлений в отношении жестокого обращения, суд сослался на отказ прокурора возбудить уголовное дело в отношении сотрудников милиции, а также на выводы служебного расследования органов милиции о том, что не было установлено фактов жестокого обращения. Он отклонил медицинское заключение как не относящееся к делу и вынес решение о том, что заявления о жестоком обращении были необоснованными.

30. 23 февраля 2000 года Ростовский областной суд рассмотрел жалобу заявителя, поданную в кассационном порядке, и оставил судебное решение без изменений.

2. Обжалование административного ареста

31. 15 марта 1999 года заявитель попыталась обжаловать в Ростовский областной суд применение в её отношении административного ареста на пять суток. Она утверждала, что ей не сообщили фамилию должностного лица, принявшего решение о назначении административного ареста. Она также утверждала, что он не задавал ей вопросов, не сообщил ей, в чем ее обвиняют, не объяснил по какой причине её доставили к нему, не вручил ей копию своего постановления об административном аресте.

32. 17 марта 1999 года тот самый судья, который вынес постановление об административном аресте на пять суток, сообщил заявителю, что данное постановление не может быть обжаловано в общем порядке, и что оно может быть обжаловано только на основании специального протеста прокурора.

33. 25 марта 1999 года заявитель подала жалобу в Железнодорожный районный суд г. Ростова и Ростовский областной суд. Она оспаривала отказ в рассмотрении ее жалобы в порядке гражданского судопроизводства.

34. 26 мая 1999 года председатель Ростовского областного суда ответил заявителю, что исходя из материалов дела, назначение административного ареста было правомерным, поскольку оно было применено в качестве административного взыскания за совершение административного правонарушения в соответствии с нормами материального и процессуального права.

35. 17 июля 1999 года заявитель подала еще одну жалобу в Ростовский областной суд на постановление об административном аресте.

36. 23 августа 1999 года исполняющий обязанности председателя Ростовского областного суда ответил, что возможность подачи жалобы на постановление об административном аресте не предусмотрена законом.

37. Заявитель впоследствии пыталась обжаловать вышеуказанные решения, но ни одна из ее жалоб не была принята на том основании, что суть дела не подпадала под юрисдикцию

вышеуказанных судов. Последнее решение в этом отношении было принято 1 декабря 1999 года Ростовским областным судом.

3. Дальнейшее разбирательство

38. 15 января 2003 года прокуратура Железнодорожного района возбудила уголовное дело и приступила к расследованию обстоятельств задержания заявителя и ночного содержания ее под стражей, а также ее заявления о жестоком обращении.

39. 28 января 2003 года прокурор Ростовской области по собственной инициативе направил председателю Ростовского областного суда протест об отмене постановления от 14 февраля 1999 года о привлечении заявителя к административной ответственности. Он утверждал, что злостное неповиновение сотрудникам милиции не являлось административным правонарушением, так как действия сотрудников милиции были незаконными, и назначение административного ареста, в любом случае, было несоразмерным наказанием.

40. 5 марта 2003 года председатель Ростовского областного суда удовлетворил протест и отменил постановление на том основании, что судья, вынесший постановление о привлечении заявителя к административной ответственности, не ознакомился с обстоятельствами дела и не выяснил, была ли она виновна в совершении какого-либо административного правонарушения. Было установлено, что отсутствовал факт злостного неповиновения, так как сотрудники милиции в момент оказания неповиновения со стороны заявителя, занимались расследованием преступления, а не находились при исполнении обязанностей по охране общественного порядка. Также было установлено, что сотрудники милиции действовали с нарушением норм процессуального права.

41. 25 августа 2003 года прокуратура Железнодорожного района завершила уголовное расследование в отношении жестокого обращения, незаконного задержания и заключения под стражу по причине отсутствия в действиях сотрудников милиции состава преступления.

42. 3 марта 2004 года Генеральная прокуратура отменила постановление о прекращении производства по уголовному делу от 25 августа 2003 года и возобновила уголовное расследование в отношении жестокого обращения и незаконного задержания. Прокуратуре Железнодорожного района было дано 30 суток для завершения расследования под контролем Генерального прокурора. Это постановление в части, касающейся настоящего дела, гласит:

«Заявитель систематически утверждала, что она подверглась незаконному вторжению сотрудников милиции в ее квартиру, а также незаконному обыску без наличия санкции прокурора, а затем была подвергнута незаконному задержанию, заключению под стражу и избиению...

Медицинское обследование выявило многочисленные повреждения, причиненные во время избиения..., время причинения и причина происхождения которых подтверждают показания заявителя... Следствием не были установлены обстоятельства, при которых были причинены данные повреждения.

В протоколах о совершении административного правонарушения и задержания заявителя от 13 февраля 1999 года...имеются недостоверные сведения об участии понятых... Эти обстоятельства не были полностью расследованы, хотя они были использованы в качестве основания для административного ареста заявителя. Постановление от 29 апреля 2003 года, о прекращении уголовного разбирательства в отношении (сотрудников милиции, составивших протоколы)... является необоснованным».

43. В своем письме от 19 апреля 2004 года Правительство заявило, что расследование все еще продолжается. В дальнейшем стороны не предоставили дополнительной информации в отношении уголовного расследования.

В. Соответствующее внутригосударственное право

1. Оказание активного сопротивления

Положения Кодекса об административных правонарушениях РСФСР, действующего до 1 июля 2002 года, в части, относящейся к настоящему делу, предусматривали:

Ст. 165

«Злостное неповиновение законному распоряжению или требованию работника милиции или народного дружинника... влечёт наложение штрафа в размере от десяти до пятнадцати минимальных размеров оплаты труда ... либо исправительные работы на срок от одного до двух лет ... а в случае, если по обстоятельствам дела применение этих мер будет признано недостаточным – административный арест на срок до пятнадцати суток.

2. Допрос свидетелей

Уголовно-процессуальный Кодекс, действовавший в указанное время, предусматривал:

Ст. 155

Свидетель вызывается к следователю повесткой, которая вручается под расписку свидетелю, а в случае его временного отсутствия - кому-либо из взрослых членов семьи ...

В повестке должно быть указано: кто вызывается в качестве свидетеля, куда и к кому, день и час явки, а также последствия неявки. Свидетель может быть вызван также телефонограммой или телеграммой.

Ст. 157

Свидетель допрашивается в месте производства следствия. Следователь вправе, если признает это необходимым, произвести допрос в месте нахождения свидетеля.

3. Административный арест и содержание под стражей

Конституция Российской Федерации, принятая на референдуме 12 декабря 1993 года, в части, касающейся настоящего дела, гласит:

Ст. 22

« Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность.

2. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов.

В главе 19 Кодекса об административных правонарушениях (см. выше) предусмотрено, что органы внутренних дел могут подвергнуть лицо административному задержанию в целях пресечения административных правонарушений, установления личности, составления протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте, если составление протокола является обязательным, а также обеспечения своевременного и правильного рассмотрения дел и исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях. Ст. 242 предусматривает, в частности, что срок административного задержания не должен превышать трех часов, за исключением отдельных категорий правонарушителей, в т.ч. лиц, совершивших неповиновение законному требованию сотрудников милиции, которые могут быть задержаны до рассмотрения их дела народным судьёй или начальником органа внутренних дел. В ст. 240 содержатся требования к составлению протокола об административном задержании.

В Кодексе об административных правонарушениях не предусмотрена возможность обжалования административного ареста, в случае его назначения судьёй. Соответствующие положения предусматривают:

Ст. 266

«...Постановление районного (городского) суда или судьи о наложении административного взыскания является окончательным и обжалованию в порядке производства по делам об административных правонарушениях не подлежит...»

Ст. 274

«Постановление судьи по делам об административных правонарушениях, предусмотренных статьями ... 165... может быть отменено или изменено по протесту прокурора самим судьёй, а также независимо от наличия протеста прокурора председателем вышестоящего суда».

ПРАВО

1. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТ.3 КОНВЕНЦИИ

44. Заявитель жаловалась в соответствии со ст. 3 Конвенции на жестокое обращение со стороны сотрудников милиции во время ее задержания и нахождения под стражей в отделении милиции. Она также жаловалась, что ее жалобы на жестокое обращение не были рассмотрены должным образом, в соответствии с процессуальными требованиями, предусмотренными этой же статьей. Ст. 3 Конвенции гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию»

А. Предполагаемое жестокое обращение со стороны сотрудников милиции

1. Заявления сторон

45. Заявитель утверждает, что 13 февраля 1999 года она была задержана в нарушение статьи 3 Конвенции. Далее заявитель утверждала, что когда она была доставлена в отделение милиции, ее избили сотрудники милиции, которые ее допрашивали, а затем ее опять избили в тот же день, когда она отказалась впустить сотрудников милиции в свою квартиру для производства обыска. Она утверждала, что ей нанесли такие телесные повреждения, как синяки и ссадины, и что в результате такого обращения она испытывала чувство страха. Она также утверждала, что после этого ей не оказали медицинской помощи.

46. Заявитель представила медицинское заключение, составленное вскоре после ее освобождения, в котором дано описание повреждений, совпадающее с ее версией событий.

47. Правительство в своем меморандуме от 15 марта 2004 года и в письме от 19 апреля 2004 года указало, что разбирательство в отношении предполагаемого жестокого обращения с заявителем еще находилось на стадии рассмотрения. Оно проинформировало Суд о том, что Генеральная Прокуратура пересмотрела уголовное дело № 3467098 в отношении заявления о злоупотреблении полномочиями со стороны сотрудников милиции и 3 марта 2004 года возобновила расследование. Правительство заявило, что оно не сможет сделать замечаний по существу дела до его завершения.

48. В дальнейшем Правительство не делало заявлений в отношении хода расследования или о фактах, установленных в ходе расследования.

2. Оценка Суда

49. Суд напоминает, что «в случае, если лицо на момент заключения под стражу находится в хорошем состоянии здоровья, но на момент освобождения у него имеются повреждения, государство обязано предоставить исчерпывающие объяснения в отношении происхождения этих повреждений. В противном случае возникает очевидный вопрос о соблюдении ст. 3 Конвенции» (см. дело «Томаси против Франции» (*Tomasi v. France*), постановление от 27 августа 1992 г., Series A no. 241-A, pp. 40-41, §§ 108-111, и «Селмуни против Франции» (*Selmouni v. France*) (GC), № 25803/94, § 87, ECHR 1999-V).

50. Оценивая доказательства, Суд обычно применяет критерий доказанности «вне разумных сомнений» (см. Постановление по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (*Ireland v. the United Kingdom*), от 18 января 1978 года, Series A no. 25, pp. 64-65, § 161). Однако если рассматриваемые события полностью или частично находятся в сфере исключительного ведения властей, как в случае с лицами, находящимися под их контролем в заключении (как и в этом деле), достаточно обоснованные предположения возникают в случае, если во время такого заключения этим лицам причинены травмы. В подобных случаях бремя доказывания может быть возложено на власти, которые должны представить удовлетворительное и убедительное объяснение (см. постановление по делу «Рибич против Австрии» (*Ribitsch v. Austria*), решение от 4 декабря 1995 г., Series A no. 336, § 34, «Салман против Турции» (*Salman v. Turkey*) (GC), № 21986/93, § 100, ECHR 2000-VII).

51. Суд отметил, что Правительство не оспаривало версию событий, представленную заявителем, равно как и медицинское заключение. Расследованием, проведенным в 2003-2004 г.г., не было выявлено ни одного нового факта или доказательства, кроме тех, которые уже были представлены заявителем. Правительство также не представило альтернативного объяснения того, при каких обстоятельствах заявителю были нанесены повреждения. То есть, делая общий вывод, можно предположить, что эти повреждения не были нанесены до помещения заявителя под стражу.

52. Более того, власти признали, что показания заявителя были достоверными. В частности, Генеральная прокуратура признала, что заявитель систематически в полном объеме подтверждала свои заявления о жестком обращении, и было отмечено, что телесные повреждения, полученные заявителем, описанные медицинским экспертом в своем заключении, не противоречат ее изложению фактов (см. пар. 42 выше).

53. Суд отметил, что сотрудники милиции рассчитывали получить от заявителя информацию в отношении убийства, в совершении которого подозревался Л., (предположительно ее сожитель). Суд принял во внимание противоречивые официальные данные по поводу того, почему заявитель была доставлена в отдел милиции, и сделал вывод, что ее доставили туда на допрос в качестве свидетеля преступления, а не в связи с малозначительным административным правонарушением, которое было использовано в качестве предлога. На данном допросе не было обеспечено каких-либо процессуальных гарантий в соответствии с законодательством РФ, таких как составление протокола допроса, доступ к адвокату, и т.д., следовательно, Суд не может исключить возможность применения силы сотрудниками милиции с целью получения информации от заявителя.

54. Изучив подробные и последовательные заявления заявителя, подтвержденные медицинским заключением, а также ввиду отсутствия какого-либо иного правдоподобного объяснения происхождения телесных повреждений, имеющихся у заявителя после освобождения из-под стражи, Суд признал, что заявитель подверглась жестокому обращению со стороны сотрудников милиции.

55. Что касается степени тяжести жестокого обращения, Суд напомнил, что для того, чтобы определить, могут ли отдельные формы жестокого обращения рассматриваться в качестве пыток, он должен принять во внимание различие, определенное в ст. 3, между этим понятием и понятием бесчеловечного или унижающего достоинство обращения. Это необходимо для того, чтобы Конвенция, с помощью данного различия, придала особенно негативную оценку бесчеловечному обращению, повлекшему серьезные страдания. Суд уже рассматривал дела, в отношении которых было установлено, что имело место обращение, которое может рассматриваться только в качестве пыток (см. «Аксой против Турции» (*Aksoy v. Turkey*), Постановление от 18 декабря 1996 г., *Reports of Judgments and Decisions* 1996-VI, p. 2279, § 64; «Айдин против Турции» (*Aydin v. Turkey*), Постановление от 25 сентября 1997 г., *Reports* 1997-VI, pp. 1891-92, §§ 83-84 and 86; «Селмуни» (*Selmouni*), указанное выше, § 105; «Дикме против Турции» (*Dikme v. Turkey*), № 20869/92, § 94-96, ECHR 2000- VIII, и, среди прочего, «Бати и другие против Турции» (*Bati and Others v. Turkey*), № 33097/96 и 57834/00, § 116, ECHR 2004-... (извлечения)).

56. Действия, на которые жаловалась заявитель, имели цель вызвать в ней чувство страха и неуверенности, причинить ей страдания, унижить ее и, по возможности, сломить ее физическое и моральное сопротивление. В любом случае, Суд напомнил, что в отношении лиц, лишенных свободы, применение физической силы, если оно не было крайне необходимым в связи с их поведением, унижает человеческое достоинство и, в принципе, является нарушением права, закреплённого ст. 3 (см. «Селмуни» (*Selmouni*), упомянутое выше, § 99).

57. Суд установил, что в данном случае причинение физической боли или страданий было подтверждено медицинским экспертом, а также заявлениями заявителя в отношении жестокого обращения с ней во время содержания ее под стражей. Последовательность событий также демонстрирует, что боль и страдания были причинены преднамеренно, с целью получения от заявителя информации в отношении Л. (см. п.п. 53-54 выше).

58. Чтобы оценить степень тяжести «боли или страданий», причиненных заявителю, Суд рассматривал все обстоятельства дела, т.е. продолжительность жестокого обращения, его физическое или психологическое воздействие, а в некоторых случаях, пол, возраст и состояние здоровья жертвы (см. «Бати» (*Bati*), указанное выше, § 120). Суд отметил, что в указанное время заявителю было всего 19 лет, и, будучи девушкой, столкнувшейся с несколькими сотрудниками милиции мужского пола, она была особенно незащитна. Более того, жестокое обращение длилось несколько часов, в течение которых ее дважды избили и подвергли другим формам физического и психологического насилия.

59. Принимая во внимание данные обстоятельства, Суд сделал вывод о том, что, в целом, учитывая цель и серьезность рассматриваемого случая жестокого обращения, оно может приравниваться к пыткам по смыслу ст. 3 Конвенции.

60. Суд установил, что в данном случае имело место нарушение ст. 3 Конвенции.

В. Предполагаемое неосуществление эффективного разбирательства

1. Заявления сторон

61. Заявитель утверждала, что сразу после указанных событий она подала несколько заявлений о возбуждении уголовного разбирательства в отношении сотрудников милиции, принимавших участие в рассматриваемых действиях; что она указала их фамилии и звания, и заявила, что может их опознать; что она приложила медицинское заключение, подтверждавшее наличие у нее телесных повреждений. Однако ни одна из ее жалоб не была удовлетворена, разбирательство по ее делу не было возбуждено до тех пор, пока ее жалоба в Суд не была коммуницирована государству-ответчику. Что касается расследования, начавшегося в 2003 году, заявитель считает, что оно не было быстрым и эффективным и, более того, она опасалась негативной реакции властей на то, что она подала жалобу в Суд, и что ее будут запугивать. Поэтому она не принимала активного участия в разбирательстве по делу. Она утверждала, что, хотя она давала показания следователю, ей ни разу не сообщили о результатах расследования.

62. Правительство не предоставило замечаний по существу данного дела (см. пар. 47-48 выше).

2. Оценка суда

63. Суд считает, что медицинское освидетельствование, жалоба заявителя, а также материалы дела вызывают обоснованное подозрение в том, что телесные повреждения были нанесены сотрудниками милиции.

64. В случае, если лицо подает жалобу, которая может быть оспорена, в отношении того, что он/она подвергся жесткому обращению со стороны сотрудников полиции в нарушение ст. 3, это положение, рассматриваемое в совокупности с общим обязательством государства в соответствии со ст. 1 Конвенции «обеспечить каждому находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в...Конвенции», подразумевает необходимость проведения эффективного официального расследования. Это расследование должно привести к выявлению лиц, ответственных за нарушения, и их наказанию (см. «Ассенов и другие» (*Assenov and Others*), решение от 28 октября 1998 года, *Reports* 1998-VIII, р. 3290, § 102 и «Лабита против Италии» (*Labita v. Italy*) (GC), № 26772/95, § 131, ECHR 2000-IV). Минимальные стандарты эффективности, выработанные практикой Суда, также включают в себя требования в отношении того, что расследование должно быть независимым, беспристрастным и открытым, а также в отношении того, что соответствующие власти должны действовать максимально быстро и эффективно (см. например, «Исаева и другие против России» (*Isayeva and Others v. Russia*), № 57947/00, 57948/00 и 57949/00, §§ 208-213, от 24 февраля 2005 г.).

65. Суд считает, что процессуальные обязательства возникают с момента подачи заявителем жалобы о жестком обращении соответствующим органам государственной власти, т.е. в прокуратуру или начальнику отдела внутренних дел. Требования заявителя о рассмотрении дела были поданы в течение одного месяца после инцидента. Они содержали подробное описание событий, с четким указанием определенных лиц, а также медицинское заключение, подтверждающее версию заявителя. Однако разбирательства не последовало. Хотя в результате расследования, проведенного в отделе внутренних расследований (см. пар. 25), были наложены дисциплинарные взыскания, имена лиц, ответственных за нарушения, и причины их наказания не были раскрыты. Поскольку уже по этой причине оно не может быть признано эффективным, Правительство справедливо не ссылалось на данное разбирательство.

66. Расследование было начато почти через четыре года после того, как произошли рассматриваемые события, после того, как дело было доведено до сведения национальных властей в связи с подачей заявителем жалобы в Суд. По делу было проведено уголовное расследование, которое, несмотря на то, что оно было запоздалым, не было заведомо

безуспешным, поскольку дело уже содержало достаточно документальных доказательств, предоставленных заявителем. Однако расследование не было удовлетворительным, так как оно не установило фактических обстоятельств дела и не раскрыло причину возникновения телесных повреждений заявителя (см. пар. 42 выше).

67. 3 марта 2004 года Генеральный прокурор отдал приказ о возобновлении расследования, однако продолжения расследования с тех пор не последовало. В связи с этим Суд сделал вывод о том, что за прошедшие три года власти не обеспечили эффективного расследования факта нарушения, о котором они были прекрасно осведомлены.

68. Таким образом, в данном деле имело место нарушение ст. 3 Конвенции в связи с отсутствием эффективного расследования по жалобе заявителя в отношении жестокого обращения.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТ. 13 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ЖЕСТКОГО ОБРАЩЕНИЯ

69. Заявитель также утверждала, что ей было отказано в эффективном средстве правовой защите в отношении ее жалобы на жестокое обращение, поданной на основании Конвенции. Она утверждала, что все ее попытки инициировать уголовное расследование, а также попытка получить компенсацию, инициировав гражданское судопроизводство, были безуспешными. Она ссылаясь на ст. 13 Конвенции, которая гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

70. Правительство не сделало никаких заявлений, кроме тех, которые касались ст. 3 Конвенции.

71. Суд напомнил, что ст. 13 Конвенции требует, в случае рассмотрения доказуемого утверждения о нарушении одного или более прав, предусмотренных Конвенцией, наличия доступного для жертвы средства правовой защиты перед государственным органом. Договаривающиеся государства могут выбрать по своему усмотрению способ соблюдения обязательств по данному положению Конвенции. По общему правилу, если одно средство правовой защиты полностью соответствует требованиям ст. 13, вся совокупность средств правовой защиты, предусмотренная внутригосударственным правом, может считаться соответствующей требованиям данной статьи (см., среди прочих, «Кудла против Польши» (*Kudła v. Poland*) (GC), № 30210/96, § 157, ЕСПЧ 2000-XI, см. также «Чонка против Бельгии», (*Čonka v. Belgium*) № 51564/99, § 75, ЕСПЧ 2002-I).

72. Однако объем обязательств государства в соответствии со ст. 13 зависит от характера жалобы заявителя, и в определенных ситуациях Конвенция требует предоставления определённого средства правовой защиты. Таким образом, в случаях подозрительной смерти или жестокого обращения, учитывая основные права, предусмотренные в статьях 2 и 3, ст. 13 требует, в дополнение к выплате соответствующей компенсации, в случае необходимости, проведения тщательного и эффективного расследования, в ходе которого будут установлены и наказаны лица, ответственные за нарушения (см. «Ангелова против Болгарии», (*Anguelova v. Bulgaria*) № 38361/97, §§ 161-162, ЕСПЧ 2002-IV; «Ассенов и другие против Болгарии», (*Assenov and Others v. Bulgaria*) упомянутые выше, § 114; «Сухейла против Турции», (*Süheyli Aydın v. Turkey*) № 25660/94, § 208, 24 мая 2005 г.).

73. Принимая во внимание доказательства, содержащиеся в материалах дела, Суд решил, что государственные власти ответственны за телесные повреждения, полученные заявителем 13 февраля 1999 года. Жалобы заявителя, направленные внутригосударственным властям, были основаны на тех же выводах, и, в связи с этим, являлись доказуемыми по смыслу статьи 13 (см. Постановление по делу «Бойл и Рис против Великобритании» (*Boyle and Rice v. the United Kingdom*) от 27 апреля 1998 г., серия

А № 131, С. 23, § 52). Соответственно, власти обязаны были провести эффективное расследование ее жалобы в отношении действий сотрудников милиции. Следовательно, любое другое средство правовой защиты, доступное заявителю, включая требование о возмещении вреда, имеет ограниченные шансы на успех. В то время как гражданские суды имеют возможность провести независимую оценку фактов, на практике значение, которое придается предшествующему уголовному расследованию настолько велико, что даже самое убедительное доказательство в пользу обратного, предоставленное истцом, может часто рассматриваться как «не относящееся к делу». Рассмотрение дела в порядке гражданского судопроизводства, инициированное заявителем, подтверждает данный факт. Суд подтвердил мнение прокурора в отношении того, что жалоба заявителя была необоснованной, не изучив материалов дела (см. пар. 29-30 выше). Следовательно, действия в отношении возмещения вреда являлись средством правовой защиты только в теории, а на практике не могло возместить вред, причиненный заявителю.

74. На основании вышеизложенного, Суд установил, что заявителю было отказано в эффективном внутригосударственном средстве правовой защиты в отношении жестокого обращения со стороны сотрудников милиции. Следовательно, в данном случае имело место нарушение статьи 13 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 И 6 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО АРЕСТА

75. Заявитель жаловалась на то, что ее задержание, произведенное 13 февраля 1999 года, содержание под стражей ночью в отделении милиции и последующий пятидневный административный арест были незаконными. Эти жалобы были признаны приемлемыми в отношении ст. ст. 5, 6 Конвенции.

Ст. 5

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и порядке, установленном законом:

- a. законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом;
- b. законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения любого обязательства, предписанного законом;
- c. законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;
- d. заключение под стражу несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным судом;
- e. законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;
- f. законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче;

...

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

Статья 6

«Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое... разбирательство...судом...»

76. Правительство признало, что задержание и административный арест заявителя были незаконными. Однако оно заявило, что заявитель более не являлась жертвой нарушения в этом отношении. Оно сослалось на постановление председателя Ростовского областного суда от 5 марта 2003 года, в котором было установлено, что административный арест заявителя был назначен в нарушение норм внутригосударственного права, в котором отменено постановление от 14 февраля 1999 года.

77. С точки зрения Правительства, данное решение предоставило заявителю возможность потребовать компенсацию о возмещении морального вреда, причиненного незаконным лишением свободы, в порядке отдельного гражданского судопроизводства, что предусмотрено в ст. 1070 и ст. 1100 Гражданского кодекса. Оно считает, что, поскольку заявитель не подала иск о возмещении вреда, она не исчерпала внутригосударственных средств правовой защиты и, соответственно, Суд должен отклонить ее жалобу в отношении задержания.

78. Заявитель не согласилась с позицией Правительства и настаивала на своих требованиях.

79. В своем возращении Правительство требовало, чтобы Суд признал, что судебное решение от 5 марта 2003 года влияет на статус жертвы заявителя, и что она может потребовать выплаты компенсации. Однако Суд отметил, что, в сущности, то же самое возражение уже было направлено государством-ответчиком и было отклонено Судом в его решении о приемлемости жалобы. Соответственно, Суд не рассматривал возражение Правительства.

А. Правомерность назначения административного ареста

80. В первую очередь Суд отметил, что арест заявителя, ее содержание под стражей ночью в отделении милиции и последующие пять суток административного ареста приравниваются к лишению свободы по смыслу п. 1 ст. 5, что не оспаривалось сторонами.

81. Во-первых, необходимо рассмотреть, был ли административный арест основан на каких-либо допустимых основаниях для лишения свободы, перечисленных в п. 1 ст. 5. Суд отметил, что содержание заявителя под стражей делится на два отдельных периода, т.е. до и после ее встречи с судьей 14 февраля 1999 года. В тот день заявительнице назначили пять суток административного ареста за совершение административного правонарушения, предположительно совершенного ею; соответственно с этой точки зрения она была заключена под стражу по вполне определенным основаниям. Что касается предшествующего содержания под стражей ночью, оно, в целом, остается необъясненным. Суд отдельно рассмотрел эти периоды.

1. Задержание и содержание под стражей ночью

82. Суд отметил, что на данном этапе содержания ее под стражей заявитель формально обвинялась в совершении административного правонарушения и теоретически могла быть задержана в соответствии со ст. 242 Кодекса об административных правонарушениях до рассмотрения ее дела судьей. Несмотря на это, выяснилось, что в действительности она была доставлена в отделение милиции с целью получения от нее информации по делу Л. , а также изъятия у нее ключей от квартиры. Обвинение в совершении административного правонарушения было просто предлогом для того, чтобы доставить ее на допрос.

83. В этих обстоятельствах Суд вправе не принимать решения в отношении того, соответствовало ли, как таковое, содержание заявителя под стражей ночью нормам п. 1 ст. 5 Конвенции, поскольку к данному вопросу будут применены нижеследующие выводы.

84. Во-первых, Суд отметил, что документы, относящиеся к задержанию заявителя и ее содержанию под стражей ночью в отделении милиции не были найдены (см. пар. 27 выше). Из этого следует, что в течение приблизительно 20 часов после задержания заявителя не было сделано записей в отношении личности заявителя, причины и продолжительности ее задержания. Даже предположив, что сотрудники милиции были намерены привлечь к ответственности заявителя за совершение административного правонарушения, это не освобождало их от соблюдения основных формальностей, перед тем как заключить ее под стражу. Этот факт сам по себе должен быть рассмотрен как наиболее серьезное нарушение, так как традиционно Суд придерживается мнения, что неправомерное задержание лица полностью противоречит основным гарантиям обеспечения прав, указанных в ст. 5 Конвенции, и является наиболее грубым нарушением этого положения. Отсутствие записей в отношении даты, времени и места задержания, фамилии/имени задержанной, причины задержания и фамилии лица, его осуществившего, должны рассматриваться как несовместимые с требованиями закона и самой целью статьи 5 Конвенции («Ангелова против Болгарии» (*Angelova v. Bulgaria*), упомянуто выше, § 154, и «Курт против Турции» (*Kurt v. Turkey*), Постановление от 25 мая 1998 года, *Reports of Judgments and Decisions* 1998-III, § 125).

85. Более того, из последующего заявления Правительства в отношении приемлемости жалобы, можно заключить, что задержание заявителя было неправомерным и в соответствии с внутригосударственным правом (см. пар. 29-40 выше).

86. В этих обстоятельствах Суд пришел к выводу о том, что содержание заявителя под стражей до ее появления перед судьей 14 февраля 1999 года, не соответствовало гарантиям, предусмотренным п. 1 ст. 5. Соответственно, в данном деле имело место нарушение данной статьи.

3. Назначение административного ареста за совершение злостного неповиновения сотрудникам милиции.

87. 14 февраля 1999 года заявителя доставили к судье, который постановил, что она совершила оказание злостного неповиновения сотрудникам милиции, административное правонарушение в соответствии со ст. 165 Кодекса об административных правонарушениях, и назначил ей административный арест на пять суток. 5 марта 2003 года это постановление было признано незаконным и было отменено. Необходимо установить, соответствовало ли содержание заявителя под стражей в связи с назначением наказания за административное правонарушение, положениям ст. 5, без вынесения решения до рассмотрения дела в суде или до проведения надлежащего расследования в соответствии со ст. 6, в отношении того же решения.

88. Суд отметил следующие общие принципы, установленные в деле «Бенхам против Великобритании» (*Benham v. the United Kingdom*) (решение от 10 июня 1996 года, Отчеты 1996-III, §§ 40-42), а также в других делах (см. «Ллойд и другие против Великобритании» (*Lloyd and Others v. the United Kingdom*), № 29798/96, et seq, 1 марта 2005 года; и «Перк и другие против Великобритании» (*Perks and Others v. the United Kingdom*), № 25277/94, et seq, 12 октября 1999):

40. Основным вопросом, который необходимо разрешить в настоящем деле, является вопрос, было ли рассматриваемое задержание «законным», а также соответствовало ли оно «установленной законом процедуре». Конвенция в данном случае обращается к внутригосударственному праву и обязательству привести нормы материального и процессуального права в соответствие с Конвенцией, но она также требует, чтобы лишение свободы не противоречило смыслу статьи 5, а именно защите лиц от произвола...

41. Толкование и применение внутригосударственного права зависит в первую очередь от национальных органов власти, а именно от судебных органов. Однако, так как в соответствии с п. 1 ст. 5 нарушение норм внутригосударственного права влечет за собой нарушение Конвенции, из этого следует, что Суд может и должен обладать определёнными полномочиями для того, чтобы выяснить, были ли соблюдены нормы внутригосударственного права.

42. Период содержания лица под стражей был бы правомерным, если бы он был установлен решением суда. Установление впоследствии факта ошибки правосудия, допущенной судом при принятии решения, не обязательно является свидетельством факта незаконного содержания под стражей. По этой причине органы Конвенции систематически отказывались принять жалобы от лиц, обвиняемых в совершении уголовных преступлений, которые жаловались на то, что приговоры в их отношении были признаны апелляционным судом основанными на фактических или юридических ошибках.»

89. Суд отметил, что административный арест в течение пяти суток был применён в соответствии с постановлением судьи, который был вправе вынести рассматриваемое решение. Обоснованность данного решения не рассматривалась Судом, в соответствии с вышеуказанной практикой, выработанной Судом. Однако данное дело отличается от тех дел, в которых оспариваемые решения были приняты судебными органами правомерно, в соответствии с процедурой, установленной в законе. В настоящем деле судья, напротив, используя свое служебное положение, нарушил нормы, предусмотренные Конвенцией. Вследствие этого, вынесение постановления об административном аресте противоречило общей защите от произвола, гарантированной ст. 5 Конвенции.

90. Следовательно, в данном случае имело место нарушение п. 1 ст. 5 в отношении административного ареста сроком на пять суток.

В. Право на справедливое судебное разбирательство

1. Применение п. 1 ст. 6 Конвенции

91. Хотя применимость ст. 6 к рассматриваемым административным разбирательствам не оспаривается, Суд по собственной инициативе принял решение о необходимости рассмотреть данный вопрос. По нижеизложенным причинам он считает, что рассматриваемые разбирательства были связаны с уголовными обвинениями в отношении заявителя.

92. Суд сделал вывод, что для того, чтобы определить, можно ли рассматривать правонарушение как «уголовное» в соответствии с положениями Конвенции, необходимо в первую очередь выяснить, относится ли положение, определяющее данное деяние как правонарушение, к нормам уголовного права в системе законодательства государства-ответчика; затем необходимо рассмотреть «характер правонарушения» и степень строгости наказания за это правонарушение (см. «Озтюрк против Германии» (*Öztiirk v. Germany*), решение от 21 февраля 1984 года, Серия А, № 73, С. 18, § 50, и «Демиколи против Мальты» (*Demicoli v. Malta*), Постановление от 27 августа 1991 года серия А № 210, С.15-17, §§ 31-34).

93. Что касается внутригосударственной классификации, Суд ранее рассмотрел сферу, определяемую в некоторых правовых системах как «административную» и пришел к выводу, что она охватывает некоторые правонарушения уголовного характера, которые однако слишком незначительны, чтобы регулироваться уголовным и уголовно-процессуальным правом (см. «Палаоро против Австрии» (*Palaoro v. Austria*), Постановление от 23 октября 1995 года, серия А № 329-В, С. 38, §§ 33-35). Аналогичное положение относится и к системе российского законодательства.

94. Суд также отмечает, что мера, связанная с лишением свободы, назначенная в качестве наказания за правонарушение, по общему правилу относится к уголовной сфере, если ее

характер, продолжительность или способ исполнения не наносит значительный ущерб («Энгел и другие против Голландии» (*Engel and Others v. the Netherlands*), решение от 8 июня 1976 года, серия А № 22, §§ 82-83, и «Эзех и Коннорс против Великобритании» (*Ezeh and Connors v. the United Kingdom*) (GC), № 39665/98 и 40086/98, §§ 69-130, ЕСПЧ 2003-X). В данном случае заявитель была лишена свободы сроком на пять суток и находилась под стражей в специальном приемнике для лиц, совершивших правонарушение, в течение срока своего наказания. Наконец, цель меры воздействия, наложенной на заявителя, явно носила характер наказания.

95. Вышеизложенного достаточно, чтобы сделать вывод о том, что правонарушение, за совершение которого была наказана заявитель, может быть классифицировано как «уголовное» по смыслу Конвенции. Из этого следует, что в данном случае подлежит применению ст. 6.

4. Было ли соблюдено право заявителя на эффективное судебное разбирательство

96. Правительство согласилось, что рассматриваемое разбирательство было проведено с нарушением как внутригосударственного законодательства, так и Конвенции. Действительно, в решении суда, которое отменяло вышеуказанное постановление, было указано, что «судья, вынесший постановление об административном аресте в отношении заявителя, не рассмотрел обстоятельств дела и не установил, совершала ли она какое-либо административное правонарушение». Это подтверждает заявление заявителя о том, что судебное разбирательство, как таковое, не имело места, даже не было создано видимости судебного разбирательства, в результате чего у нее не было даже возможности выяснить причину ее непродолжительной встречи с судьей П.

97. Следовательно, в данном случае имело место нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции.

IV. ОТСУТСТВИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ОБЖАЛОВАНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЯ О ПРИВЛЕЧЕНИИ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

98. Заявитель жаловалась на то, что в соответствии с внутригосударственным правом, постановление об административном аресте, принятое в ее отношении, обжалованию не подлежало. В этой связи она утверждала, что таким образом не было предоставлено эффективного внутригосударственного средства правовой защиты. Она сослалась на статью 13 Конвенции, в которой указано:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

Данная жалобы была также признана приемлемой в соответствии с п. 4 ст. 5 Конвенции, в которой указано:

«4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

99. Правительство признало, что в соответствии с внутригосударственным правом такое постановление обжалованию не подлежит.

100. В первую очередь Суд обратил внимание на выводы, приведенные выше, о том, что постановление об административном аресте было принято «судом, созданным на основании закона» в ходе рассмотрения дела, которое подпадает под положения ст. 6 (см. пар. 90 и пар. 95 выше).

101. Суд напомнил, что право обжалования ошибочного судебного решения не является общепризнанной гарантией (см. дело «Делкурт против Бельгии» (*Delcourt v. Belgium*),

Постановление от 17 января 1970 г., Series A no. 11, p. 14, § 25). Это право предусмотрено положениями ст. 2 Протокола № 7 в отношении уголовных дел, за исключением незначительных правонарушений. Однако заявитель не сослалась на данную статью и не предоставила доводов в отношении того, что уголовное обвинение в ее отношении не касалось «незначительного правонарушения». Соответственно, Суд не посчитал необходимым рассматривать данный вопрос.

102. Что касается ст. 13, Суд отметил, что п. 1 ст. 6 является *lex specialis* (специальной нормой – прим. перев.) по отношению к ст. 13. Иными словами, требования статьи 13 являются менее строгими, и в этом случае поглощаются положениями статьи 6 (см. *mutatis mutandis*, дело «Камасински против Австрии» (*Kamasinski v. Austria*), решение от 19 декабря 1989 г., Series A no. 168, pp. 45–46 § 41). Как правило, ст. 13 не применяется, когда предполагаемое нарушение Конвенции касается судебного разбирательства (см. «Пизетти против Италии» (), решение от 26 февраля 1993 г., Series A no. 257-C, p. 40-41 § 41). Единственным исключением из этого правила являются жалобы, поданная на основании статьи 13 в отношении нарушения требования о «разумном сроке» (см. «Кудла против Польши» (*Kudla v. Poland*), (GC), № 30210/96, §§ 146-149, ECHR 2000-XI). Поскольку последнее не относится к настоящему делу, нет оснований для установления нарушения ст. 13.

103. Поскольку в настоящем деле затронут п. 4 ст. 5, Суд отметил, что гарантии, предусмотренные в этой статье, в принципе, в отношении лишения свободы, поглощаются положениями п. 1 (а) ст. 5, поскольку судебный контроль за лишением свободы включает в себя и контроль за обвинением и заключением под стражу (см. дело «Де Вальд против, Умс и Версип против Бельгии» (*De Wilde, Ooms and Versyp v. Belgium*), Постановление от 18 июня 1971 г., (по существу), Серия № 12, С. 40, § 76). Обращаясь к фактам настоящего дела, административный арест сроком на пять суток был основан исключительно на вынесенном судьей постановлении о привлечении к ответственности, соответственно п. 4 ст. 5 не требует пересмотра данного решения другим судебным органом.

104. На основании вышеизложенного, Суд пришел к выводу о том, что в настоящем деле не возникает отдельного вопроса о нарушении ст. 13 или п. 4 ст. 5 Конвенции.

V. ПРИМЕНЕНИЕ СТ. 41 КОНВЕНЦИИ

105. В ст. 41 Конвенции предусмотрено:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. УЩЕРБ

106. Заявитель предъявил требование о выплате 100 000 евро в качестве возмещения морального вреда, вызванного причинением телесных повреждений и полученных страданий, в результате жестокого обращения в отделении милиции, страданий, причиненных ей в процессе административного разбирательства и последующего административного ареста, а также в результате бездействия властей в ответ на ее жалобы на жесткое обращение.

107. Что касается материального вреда, она требовала возмещения 25 рублей –денежной суммы, назначенной специальным приемником для лиц, совершивших административные правонарушения, за пребывание под стражей в течении пяти суток.

108. Правительство не представило замечаний по поводу требований заявителя, как оно отметило, отчасти по причине того, что разбирательство по факту жестокого обращения находилось на стадии рассмотрения, отчасти по причине возражения Правительства в

отношении неисчерпания средств правовой защиты в отношении жалобы заявителя на применение административного ареста.

109. Суд сделал вывод о том, что органы власти применяли к заявителю пытки и не провели незамедлительное и публичное расследование в отношении нарушения ст. 3 Конвенции. Также было установлено, что она была лишена свободы в нарушение требований ст. 5, а также в ходе административного разбирательства, проведенного в нарушение ст. 6. Кроме того, заявитель в течение нескольких месяцев безуспешно пыталась на национальном уровне добиться восстановления своих прав, нарушенных в результате жестокого обращения. В результате этого заявитель должна была испытывать страдания и разочарование. Принимая во внимание вышеизложенное, руководствуясь принципом справедливости, Суд присудил заявителю денежную сумму в размере 35 000 евро в качестве возмещения морального вреда и денежную сумму в размере 25 рублей в качестве возмещения материального ущерба, плюс любой налог, начисляемый на вышеуказанные суммы.

В. Издержки и расходы

110. Заявитель потребовала выплаты 5000 рублей в возмещение издержек и расходов, понесенных в процессе рассмотрения дела на национальном уровне, а также в Суде, включая государственную пошлину, оплату переводов, почтовые расходы и расходы на канцелярские принадлежности.

111. Правительство не представило возражений.

112. В этих обстоятельствах Суд признал требования заявителя обоснованными, и соответственно присудил ей 5 000 рублей в возмещение понесенных издержек и расходов, плюс любой налог, начисляемый на указанную сумму.

С. Пени

28. Суд посчитал уместным, что сумма пеней по выплате компенсации должна быть установлена в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского Центрального Банка, плюс три процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановил*, что в данном деле имело место нарушение ст. 3 Конвенции в результате бесчеловечного обращения;
2. *Постановил*, что в данном деле имело место нарушение ст. 3 Конвенции в отношении отсутствия эффективного расследования жалобы заявителя на бесчеловечное обращение;
3. *Постановил*, что имело место нарушение ст. 13 Конвенции по причине отсутствия эффективного средства правовой защиты в отношении заявленного бесчеловечного обращения;
4. *Постановил*, что в данном деле имело место нарушение п. 1 ст. 5 Конвенции в отношении задержания заявителя и содержания ее под стражей ночью;
5. *Постановил*, что имело место нарушение п. 1 ст. 5 Конвенции в отношении административного ареста заявителя сроком на пять суток;
6. *Постановил*, что в данном деле имело место нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции
7. *Постановил*, что не возникло отдельных спорных вопросов в соответствии с п. 4 ст. 5 и ст. 13 Конвенции, касающихся отсутствия права на обжалование постановления о наложении санкции за совершение административного правонарушения;
8. *Постановил*,
(а) что государство-ответчик обязано выплатить заявителю, в течение трех месяцев со дня вступления Постановления в законную силу, в соответствии с п. 2 ст. 44 Конвенции, следующие суммы:

- (i) 25 рублей (двадцать пять рублей) в качестве возмещения материального ущерба,
- (ii) 35000 (тридцать пять тысяч евро) в качестве возмещения морального вреда, подлежащие переводу в национальную валюту государства-ответчика по курсу на день выплаты
- (iii) 5000 рублей (пять тысяч рублей) в качестве возмещения издержек и расходов
- (iv) любой налог, начисляемый на вышеуказанные суммы
- (b) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока и до момента выплаты, подлежат уплате простые проценты на вышеуказанные суммы в размере, равном предельной годовой ставке по займам Европейского Центрального Банка за соответствующий период, плюс три процента.

9. *Отклонил* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 9 марта 2006 года, в соответствии с Правилем 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Сорен Нельсен
Секретарь Секции Суда

Кристос Розакис
Председатель Палаты